

чувства. Это не простая болезнь; проклятие покрывает их тела нарывами, сочится кровавым потом, навевает горячечные сны. Я иду между рядами, не в силах поверить увиденному. Я не могу сосчитать, сколько здесь девочек, но сознание того, насколько необъятна моя задача, грозит раздавить меня.

Я могу забирать только по одной девочке за ночь.

Отец говорит, что за нас — время и тайна.

Но... но как мне выбрать, кого унести? Кого спасти из этого кошмара?

Внезапно внутри у меня поднимается тошнота, и я бросаюсь к ближайшему ночному горшку, которому и дарю свой ужин.

Я здесь уже была. Я здесь умерла.

Отец говорит, что не знает, как все было, но мое внутреннее чувство не лжет. Может быть, он потому и решил не возвращать мне память — знал, что придется послать меня в этот кошмар? Если так, то это, должно быть, и есть милосердие.

Я поднимаюсь на ноги. На смену слабости приходит яростное желание разорвать на кусочки колдуна, который украл, отравил и замучил этих девочек. Я их спасу. Пусть даже на это уйдет вся моя жизнь.

Я перевожу взгляд с одного спящего лица на другое. Которую забрать первой? Как жестоко — ставить человека перед таким выбором! Почему отец не объяснил мне, что делать? Почему не сказал, кого спасти первым?

Я ощущаю влагу на лице. Трогаю щеку — как странно.

В памяти всплывает слово «слезы». Люди плачут, когда им плохо и горько.

Мне плохо. Это ужасное место, и мне здесь плохо.

Мой взгляд падает на девочку в углу. По грязным щекам у нее пролегли светлые дорожки. Она тоже плакала.

Я заберу ее первой.

Я подкрадываюсь ближе. Девочка невелика, ее легко будет унести. Несмотря на грязь, болезнь, темноту, щеки у нее чуть розовые, словно розы у меня в саду. Спутанные золотистые кудряшки обрамляют лицо, отчего девочка напоминает ангелочков из фонтана. Она сунула в рот палец и сонно сосет его, не прерываясь ни на секунду.

Да, ее надо спасти первой. Сегодня — ее ночь. Наша ночь.

Я завожу руки под легонькое тельце и поднимаю девочку с кровати. Головка ее перекатывается набок, и девочка открывает глаза. Палец выскользывает изо рта.

— Шшшш, — шепчу я, совсем позабыв, что вместо синих человеческих глаз у меня сейчас желтый кошачий взгляд. Девочка хнычет, хнычет все громче, пытаюсь вырваться у меня из рук.

Она может разбудить остальных.

Мой хвост рассекает воздух и колет девочку прямо в грудь. На секунду девочка замирает в ужасе, а потом обмякает у меня на руках. Я понимаю, что сделанное мною — не со зла, а по необходимости, но мне все равно жаль так ее усыплять. Вот бы поговорить с ней, рассказать, что теперь у нее все будет хорошо, что она спасена и что, когда она проснется, мы поиграем в нашем саду среди роз.

Ее безмятежное личико вновь напоминает мне о мраморных ангелочках.

Когда вернусь домой, попрошу отца сделать в саду фонтан. Если девочки будут жить у нас, им понравится.

Я крадусь к двери камеры, выскользываю в коридор со спящими стражниками и слышу отдающееся по стенам шарканье чьих-то шагов. Я вылетаю через разобранную крышу, кладу на место черепицы и тем же путем возвращаюсь по петляющим улочкам. Девочку я прячу под плащом. Дышать она может, но заметить ее будет трудно.

Меня тоже никто не замечает. Тени укрывают меня заботливо, как доброго друга. Когда я добираюсь до стены, руки у меня начинают уставать. Но отец ждет, надо идти быстрее. Я останавливаюсь там, где у стены растет прохладная трава, и прислушиваюсь, не идет ли кто следом.

Никого — только стражники храпят у ворот.

Прыжок, и я оказываюсь на стене. Обматываю вокруг себя плащ, и получается перевязь, удерживающая спящего ребенка.

Я распахиваю крылья и устремляюсь в ночь.

День десятый

Увидев девочку, отец обрадовался. Я принесла ее домой и уложила в гостевой комнате, что в башне над лабораторией. Отец погладил по голове девочку, а потом меня.

— Ты отлично справилась, детка, — сказал он, а потом велел мне выйти. Он собирался лечить девочку. Я хотела остаться и посмотреть, но отец сказал, что мне надо отдохнуть.

Это было вчера, но я до сих пор буквально сияю от его похвалы. Я отлично справилась. Я спасла девочку. Интересно, ей понравятся мои розы?

Поливая кусты, я внимательно осматриваю цветы и срываю две розы. Я подарю их девочке. Комнатка у нее совсем простая, пусть розы ее украсят. С розами всегда красивее.

Я иду по двору, перекатывая слово «роза» во рту, повторяю его несколько раз вслух. От него на душе становится хорошо. Спокойно как-то.

Я поднимаюсь в пристроенную к нашему домику башню. Девочка будет спать в комнате наверху. В этой же башне отец работал дни и ночи, чтобы создать меня.

Каменные ступеньки винтовой лестницы не скрипят, но, когда поднимается ветер, балки снаружи немного подрагивают. По стенам вдоль лестницы — маленькие круглые окошки, сквозь которые падают лучи солнца.

У комнаты на втором этаже тяжелая деревянная дверь. Я открываю ее ключом — он висит рядом на стене — и вхожу в чисто выбеленную комнату. Девочка уже не спит, она сидит, спустив ноги с кровати. Тонкая фигурка золотится в лучах солнца, падающих из окна у нее за спиной. Девочка шмыгает и стирает со щеки слезу. И она вряд ли плачет от страха — плащ у меня запахнут плотно.

— Ты что? — спрашиваю я.

Рыдания усиливаются, девочка не отвечает. Она обхватывает себя за плечи тонкими руками, шелковистые золотые кудряшки липнут к мокрым щекам. Кожа у нее вся одного цвета, ни стежка, ни винтика. Я касаюсь рукой винта, который держит мою голову на плечах, но спохватываюсь.

Крыльев и хвоста у девочки тоже, конечно, нет. А у меня есть, и мне это нравится. Удобно же!

Я подхожу ближе и с радостью замечаю, что от проклятия и болезни не осталось и следа — ни нарывов, ни сыпи, да и жар спал. Отец свое дело знает отлично.

Девочка все плачет и плачет. Я заглядываю ей в лицо, а потом протягиваю розы. Лепестки у них персикового цвета, а по краям темнеют и становятся красноватыми. Отец называет эти розы «скромницами».

Девочка не берет цветы.

Я ничего не понимаю, но кладу цветы рядом с ней на кровать. Девочка снова шмыгает носом, берет розу и крутит в тонких пальчиках. Она знает, как надо держать, чтобы не уколоться. Значит, розы ей понравятся. Я нерешительно улыбаюсь.

— Мама... — шепчет девочка, и слезы снова текут у нее из глаз.

— Мама? — повторяю за ней я.

— Хочу к маме.

Внутри у меня пробуждается что-то первобытное, какая-то смесь горечи и других чувств, которые я не в состоянии понять.

Мама. Мать. Девочка хочет к маме.

Хотела ли я к маме, когда меня заточили в то жуткое место? Как жаль — и как хорошо, — что я этого не помню. Не хочу, чтобы мне было так же больно, как этому ребенку.

Я присаживаюсь перед ней на корточки.

— Тебя никто не тронет, — говорю я, но даже я понимаю, что для нее это пустой звук. Она смотрит на меня, потом снова на розу.

— Мама любит розы, — шепчет девочка.

— А ты любишь? — спрашиваю я.

Лицо у нее сморщивается, и слезы снова льются рекой. Девочка мотает головой и швыряет цветок в угол. Падают на пол лепестки.

Я не понимаю эту девочку, не понимаю, почему она такая странная. Роза была такая красивая, а она ее бросила.

— Ким! — говорит из-за спины отец. — Ты что тут делаешь?

Я оборачиваюсь. Кажется, отец недоволен. Он, наверное, подумал, что я плакала.

— Я принесла нашей гостье цветы, — говорю я, но хмурюсь, когда взгляд падает на рассыпанные по полу лепестки. — Только ей, наверное, не нравится.

— Ким, тебе не нужно привязываться к девочкам. Усыпи ее, и пойдем со мной.

Я киваю:

— Да, папа.

Девочка уткнулась носом в подушку — меня она не увидит. Я, не задумываясь, жалю ее хвостом, а потом следом за папой иду прочь из комнаты.

В дверях я замираю — какое-то странное чувство бьется в груди.

«Мама». Что-то связанное с этим словом, что-то такое...

Юбки переливчатого голубого шелка. Я глажу ткань пальцами, вижу, как она скользит и извивается, подобно волне, вокруг ног женщины. Мама.

То самое, глубинное, что шевельнулось во мне минутой назад, обрушивается шквалом, захлестывает, душит. Я цепляюсь за косяк, выскочившие из пальцев ногти впиваются в дерево.

Видение исчезает так же внезапно, как и появилось. Ни шелка, ни женщины — лишь блекнувшее чувство узнанавания.

Я бегу вниз по ступенькам. У подножия лестницы стоит отец. При виде отца мне становится спокойнее.

Отец стоит нагнувшись и ведет ладонями по полу. Я наклоняю голову и смотрю на него. Никогда не видела, чтобы он так делал, — впрочем, я в башне бываю редко, мне больше нравится в саду или в доме, у камина.

Бормоча себе что-то под нос, отец нащупывает в полу потайной люк и сдвигает его в сторону. Под полом оказываются ступеньки. Отец замечает мой взгляд.

— Ну будет тебе, пошли со мной. У тебя наверняка куча вопросов. Я поработаю, а ты пока можешь спрашивать.

Мне это льстит. Отец создает самые необычные вещи — а сам называет себя ученым, — но я никогда раньше не видела, как он это делает. Я быстро спускаюсь следом за

ним. Руки у меня дрожат — может, из-за того видения на пороге?

— А что ты сегодня делаешь, папа?

Отец подмигивает.

— Ты ешь столько яиц, что нам нужны еще куры.

Я тихонько смеюсь. Я и правда ем много яиц. Они вкусные, почти такие же вкусные, как крольчатина.

При виде лаборатории я ахаю от удивления. С виду она точь-в-точь как комнатка наверху, до того, как ее побелили и приготовили для того, чтобы селить там девочек. Такая же — и совсем другая. Пол и стены без окон сложены из холодного серого камня. Вдоль стены стоят длинные каменные ящики. По стенам тянутся полки, уставленные странными стеклянными бутылками и пузырьками всех размеров. В одних — сухие травы, в других — глаза, языки, что-то мясистое и непонятное, и все это залито какой-то мутной жидкостью.

Несмотря на то что потайная комната спрятана под землей, потолок у нее высокий. У меня над головой покачивается добрая дюжина скелетов существ, точно сошедших со страниц моей книги сказок. Мне интересно, я тянусь к ним и касаюсь пальцем кончика рыбьего хвоста, который вырастает из бедер скелета, напоминающего человеческий.

Папа укоризненно цокает языком:

— Ничего не трогай. Они очень хрупкие.

Я молча обхожу комнату, разглядываю скелеты. У одного из них нижняя часть массивная и похожа на лошадиную, а сверху из нее вырастает человеческое тело и голова. У другого скелета череп кошачий, но тело куда крупнее, чем у кошки, а на лапах — орлиные когти. Каждый скелет соединяет в себе признаки нескольких существ сразу, и я понятия не имею, как называются такие звери. Обязательно поищу в книжке!